

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-8-44

УДК 821.161.1

**Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова:
“La vie”, или жизнь «чудесным образом».
Париж, 1924–1925***

© 2019, Е.Р. Обатнина

Аннотация: Статья посвящена установлению новых фактов и уточнению уже имеющихся сведений о парижском периоде жизни А.М. Ремизова. По архивным материалам восстанавливаются детали личной биографии писателя (в том числе адреса, по которым он проживал в Париже), литературные связи (по составленным самим писателем гостевому и поминальному спискам), репутация в эмигрантских кругах (в том числе непростые отношения с Мережковскими и И.А. Буниным, поддержка со стороны Н.К. Рериха и Л. Шестова, творческое общение с С. Шаршун, С. Ромовым). В научный оборот вводятся неопубликованные архивные источники: переписка, дневниковые записи, иные эго-документы, используются материалы из эмигрантской печати. Подробно рассматривается особая позиция Ремизова в связи со скандальной публикацией в газете «Последние новости» «этюда» С.Р. Минцлова «Тайна» (1925), в чем также выразилась его отчужденность от эмигрантского сообщества, настроения которого во многом определяла З.Н. Гиппиус. Особое внимание уделяется роли Д.П. Святополка-Мирского в парижской жизни и творческих проектах Ремизова, благодаря которому, по мнению автора статьи, в жизни Ремизовых актуализировалась тема русской национальной самоидентификации.

Ключевые слова: эмиграция, русское зарубежье, Париж, А.М. Ремизов, С.П. Ремизова-Довгелло, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Н.К. Рерих, Л. Шестов, С. Шаршун.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Цитирование: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 8–44. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-8-44

* Статья выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

В ночь с шестого на седьмое ноября 1924 г. Ремизовы прибыли из Берлина в Париж. Перевернулась еще одна страница их скитальческой одиссеи. Снова нужно было искать квартиру, налаживать круг общения и профессиональные контакты. Жизнь русской диаспоры во французской столице уже обрела устойчивые взаимосвязи, и второй, «берлинской», волне эмиграции здесь не были рады. В условиях жесткой конкуренции в русскоязычных органах печати утвердился не столько эстетический, сколько политический ценз, ставший основным инструментом формирования авторских коллективов ведущих изданий. Ремизов большинством русских парижан воспринимался как писатель просоветских настроений, тем более что он упорно не признавал разделения на эмигрантское «мы» и советское «они».

Архив писателя сохраняет множество документов, свидетельствующих об уникальной целостности ремизовского восприятия истории, включая события, пронизывающие его личную биографию. Летом 1943 г., похоронив жену, С.П. Ремизову-Довгелло, писатель, обращаясь к минувшим годам, вспомнил — от первого до последнего — адреса пристанищ, имена друзей, бывавших у них дома, а потом составил своего рода «синодик» ближних и дальних, с кем сводила когда-либо судьба и кого провожали в последний путь. Если «гостевой список» ограничивался парижским локусом, то «поминальный» отразил единый хронотоп ремизовского внутреннего мира, в котором реальное местоположение тех, кого писатель считал своими «спутниками», не имело никакого значения: закончившие свой земной путь в России сошлись в его «поминальнике» в один круг с эмигрантами.

Два года прожили мы в Берлине <...>. С 7-го ноября в Париже.

Я обошел все улицы, где мы жили 20 лет, постоял у знакомых домов, заглянул в смотренные окна — всё памятно и ясно, и сколько имен, сколько лиц и «историй» промелькнуло, и зачем-то всё надо было — день за днем — чтобы довести до последнего.

10 Rue Troyon, XVII Hôtel Troyon¹ («Дом свиданий», куда попали с вокзала по человеческой глупости); 22 Rue de la Faisanderie² (Путаница и неразбериха); 15 Rue Delambre, XVI, Hôtel des Ecoles³

¹ 6–7 ноября 1923. Здесь и далее назовем временные отрезки, связанные с местожительством Ремизовых в Париже, полагаясь на составленный писателем список, в частности опубликованный Антонеллой д'Амелия в статье «Книга без конца: "Россия в письменах"» (Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 135).

² 7–16 ноября 1923.

³ 16–17 ноября 1923. Краткосрочное пребывание в Hôtel des Ecoles, очевидно, было связано с неприятным инцидентом, отзвук которого находим в записке

(Познеры, Рёрих, Г. Гребенщикова⁴, комната № 13 — слезы и бегство); 48 Rue de Passy, XVI, Villa du vieux jardin⁵ (М.О. Осоргин); 59 Rue Chardon-Lagache, XVI, Mme Beon⁶ (др. В.Д. Аитов, кн. Д.П. Святополк-Мирский, С.Ю. Кулаковский, К.В. Мочульский, А.С. Гингер, С.И. Шаршун, Оля и Наташа Черновы; смерть — Л.С. Бакста, Г.В. Вильямса, С. Есенина, В.Я. Брюсова); *теперь живут турки*; 5 Villa Flore, 120 bis Av. Mozart, XVI, Mme Garbon⁷ (П.П. Сувчинский, Е.Ю. и А. Аронсберги, С.Ю. Штерн, кн. А.В. Оболенский, Вадим Андреев, Б.Б. Сосинский, Д.Г. Резников, Рахманиновы, смерть — Л.М. Добронравова, М.А. Кузмина, Ф.К. Сологуба, П.П. Потемкина, В.Н. Ладыженского); 11 Bd. Port-Royal, XIII (Первая немеблированная квартира, Е.Г. Унбегаун, Г.И. Газданов, смерть — Вл.Вас. Диксона, З.И. Гржебина, Б.М. Кустодиева, «Индустриальная подкова», слезы и бегство)⁸; 3 bis Av. J.V. Clément, Boulogne s<ur> Seine⁹ (Кс. <1 сл. нрзб.> Вишневецкая, П.М. Костанов, Г.В. Чижев, В.А. Мамченко, Б.И. Очередин, В. Яновский, Ю. Мандельштам, П.К. Паскаль, В.В. Вейдле, смерть — И.А. Болдырева-Шкотта, Вл. Чирикова, П.Е. Щеголева, Андрея Белого; нам отказали от квартиры, слёзы и бегство); и с 1933 г. 7 Rue Voileau, XVI¹⁰ (сестры Крестин, Квилли, Л.А. и Я.Б. Поллонские, С. и Л. Лифари, Нат. Вл. Кодрянская, И.П. Кобеко, смерть — Г.Ив. Чулкова, И.В. Северянина, Евг.В. Аничкова, Е.И. Замятина, Вл.Ф. Ходасевича, В.В. Руднева, Г.И. Питоева, Н.Д. Авксентьева, Л.И. Шестова, Б.Ю. Поплавского, А.А. Архангельского, [К.С. Станиславский <sic!>, Вс.Э. Мейерхольд <sic!>, А.К. Глазунова, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина, К. Коровина, Нилуса, Амфитеатрова, В.И. Немировича-Данченко, К. Бальмонта]¹¹, С.Г. Сумского, М.А. Осоргина, Н. Клюева, М.И. Цветаевой, [Б. Пастернака]¹², Б.Д. Григорьева, [А. Яковлева], С.В. Чехонина, К.А. Сомова, С. Ольденбурга, И. Лукаша, Б. Лазаревского, Д.В. Философова, П.Н. Милюкова, И. Кнорринг, Н.К. Кульмана, Г.А. Лозинского, В. Бурлюка,

Г. Гребенщикова от 16 ноября, полученной Ремизовым лишь 18-го: «Дорогой Алексей Михайлович, очень я огорчен обманом гостиницы. <...> но думаю, что снять № гостиницы — дело очень простое <...>» (Amherst. В. 3. F. 2. P. 16).

⁴ Здесь и далее курсивом выделены фрагменты, вычеркнутые Ремизовым в процессе работы над следующей редакцией.

⁵ 17–27 ноября 1923.

⁶ 27 ноября 1923 — 1 марта 1924.

⁷ 1 марта — 1 ноября 1928.

⁸ 1 ноября 1928 — 1930.

⁹ 1930–1933.

¹⁰ 1 октября 1933 — 1943 (на момент создания рукописи). В этой же квартире на рю Буало Ремизов закончил свои дни 26 ноября 1957 г.

¹¹ Квадратными скобками здесь и далее отмечены вставки в первоначальный текст.

¹² Вставка вычеркнута, по-видимому, из-за ошибочного причисления Пастернака к умершим в 1943 г.

Вал. Булгакова, Д.С. Мережковского, Е.В. Ляцкого, С.Г. Сватикова и бабушки Добужинского <?>¹³.

В течение первых двадцати дней своей «французской» биографии Ремизовы сменили четыре отеля. И вот, накануне переезда в апартаменты, найденные в 16 квартале, Серафима Павловна записала первые впечатления о Париже, потерявшем для нее привлекательность города, где они с мужем когда-то были счастливы, путешествуя по Европе в 1911 и 1912 гг.

Забавно, что не обошлось без встреч с тенями из прошлого. После первой неудачной гостиницы на помощь пришла Вера Васильевна Мальфитано, знавшая супругов Ремизовых с 1906 г. Когда весной 1907-го Серафима Павловна рвалась из гнетущего ее Петербурга в Париж, именно эта «очень милая дама, — как писала тогда З. Гиппиус, — горячо к вам обоим <т.е. к супругам Ремизовым. — Е.О.> относящаяся», «приняла участие» в поисках недорогого жилья¹⁴. Спустя 17 лет мадам Мальфитано удалось исполнить давние намерения, только обстоятельства жизни русских гостей стали тяжелей прежних. На место высоких порывов Серафимы Павловны, мечтавшей в молодости о духовном подвиге и общественном служении, заступило чувство разочарования даже в близких людях, отчаянье и тревога:

26 ноября <1924 г.>

Завтра, наконец, переезжаем на квартиру. Измучены мы оба ужасно. 5 ноября уехали из Берлина, 7-го приехали в Париж, жили первую неделю у В.В. Мальфитано, — она такая баба болтливая, не давала ни минуты покоя. <...> Господи, помоги нам устроиться на квартире по-своему, дай нам денег, соверши чудо, как уже много раз Ты совершал. Вся наша жизнь чудо, живем, как птицы небесные, а живем. Много тяжелого здесь уже было, и какие злые люди, я таких не видела еще. Я разлюбила Зинаиду Ник<олаевну> Гиппиус, а любила ее долго и верно, за ее полное равнодушие и даже не равнодушные, а какую-то боязнь, соперничество, какой-то страх, что вот А.М. больше, может быть, их понравится, что они меньше денег получат.

¹³ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 45–48.

¹⁴ Вера Васильевна Мальфитано (урожд. Говорова; 1876–1967) — художница, бывшая замужем за итальянцем Джованни Мальфитано (Giovanni Malfitano; 1872–1941), химиком по специальности, сотрудником института Пастера в Париже, поклонником русской культуры, принадлежавшим к научному сообществу «французских славянофилов».

Тут не то что помогут, а ножку подставят, кусок хлеба вырвут. Гадкие люди. Я уж не говорю про Мережковского, его я никогда не любила, только терпела из-за А.М., а теперь совсем не люблю. Озлобленные люди и России они не знают...¹⁵

Ожесточенные строки из дневника жены писателя отразили основные проблемы, с которыми пришлось справляться Ремизовым. Прежде всего, это холодный прием старых друзей, занявших в литературных кругах Парижа авторитетные позиции. Гиппиус, продолжавшая собирать политические и даже вооруженные силы для свержения власти большевиков в России, не могла простить Ремизову его лояльности к советским писателям. При таком отношении его личная литературная деятельность была в значительной степени регламентирована и даже отчуждена от ведущих органов периодической печати. Как сам новообращенный парижский поселенец оценивал сложившуюся жизненную ситуацию, становится понятно из пересказа Д.П. Святополка-Мирского, передавшего его настроения в личном письме общему знакомому:

Видел Ремизова. Вид у него лучше, чем был в Берлине, и он как будто веселый. Но его обижают здешние литераторы: Бунин и Мережковский, считают его за большевистского агента и никуда не пускают. А теперь вид того, что они просто хотят его оттеснить от здешних издателей¹⁶.

Очевидно, что положение Ремизова стало еще уязвимее после знаменитого собрания литераторов в парижском Salle de Géographie 16 февраля 1924 г., на котором с программной речью «Миссия русской эмиграции» обратился к соотечественникам И.А. Бунин. Программа вечера сохранилась в ремизовском альбоме эпистолярных документов за 1924 г. Знаменитое выступление, вызвавшее противоречивые реакции даже в эмигрантском сообществе¹⁷, наверняка произвело тяжелое впечатление и на Ремизова, но не по существу отношения к большевизму, а по пафосу категорического принципа: кто не с нами, тот против нас.

¹⁵ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1072. Л. 3 об.

¹⁶ Цит. по: *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. P. 25; письмо от 8 января.

¹⁷ См.: *Бакунцев А.В.* Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. 2013. М., 2014. С. 268–337.

Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключите, — обратился докладчик к многолюдному собранию, — из этого громадного числа десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток уже совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые, будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть, однако, их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас: останется все-таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает полное право пользоваться высоким языком¹⁸.

Слушая Бунина, Ремизов, возможно, думал и об отрешенном от политики, вернувшемся недавно в Россию Андрее Белом, и о случайных эмигрантах вроде Марка-Людовика Талова, В. Парнаха, И. Соколова-Микитова, и о тех многих, не покидавших Россию, кто, например, как М. Пришвин, пытался выжить в это время, оставаясь на положении «внутреннего» эмигранта — «попутчика». Вполне ясно ему представлялось, в какой разряд могли записать «непримиримые» и его самого.

Внутреннее противостояние Ремизова коллективному диктату этой части эмиграции продолжилось и в 1925 г., особенно в связи с резонансным церковно-литературным скандалом. В феврале на страницах газеты «Последние новости» появился «этюд» С.Р. Минцлова «Тайна»¹⁹, написанный по мотивам известного апокрифического сказания об Иуде, содержащего оправдательную версию предательства этой ключевой фигуры евангельской истории. Церковный Совет главного православного прихода Свято-Александро-Невского кафедрального собора на рю Дарю счел действия редакции газеты бесчинными и нашел виноватого — члена приходского Совета, помощника редактора «Последних новостей» И.П. Демидова, который был показательно исключен из Совета по политическому мотиву — как «левый». Единственным несогласным в этом единодушном голосовании был доктор И.И. Манухин, который выступил в защиту Демидова и вскоре из протеста покинул Приходской совет.

¹⁸ Бунин Ив. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля) // Руль. 1924. № 1013, 3 апр. С. 5–6. Цит по: Бунин И.А. Миссия русской эмиграции. URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/missiya-emigracii.htm>.

¹⁹ Последние новости. 1925. № 1470, 8 февр. С. 2–3. См. также статью А. Яблоновского «Волнение умов», посвященную рассказу, а также общественному резонансу вокруг его публикации (Сегодня. 1925. № 51, 4 марта. С. 2).

Затем в «Последних новостях» появилось «открытое письмо» под названием «Вокруг “тайны” С.Р. Минцлова». Подписавшие обращение к Приходскому совету русской церкви (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, З.Н. Гиппиус, А.И. Куприн, И.И. Манухин и Д.С. Мережковский) призывали «судить» факт публикации рассказа «исключительно с религиозной точки зрения, вне всяких политических категорий, так как обвинение в соблазне верующих есть тягчайшее осуждение для христианина». Между тем письмо представляло собой демонстрацию коллективного мнения эмигрантского сообщества. В обращении, в частности, говорилось: «Религиозно смущенные и встревоженные постановлением Церковно-Приходского Совета относительно И.П. Демидова, и видя в этом постановлении соблазн для верующих, мы призываем Приходской Совет, — вне политических страстей, искажающих христианскую совесть, вновь обсудить этот вопрос, исправить свою ошибку и покинуть тот роковой путь, на который он встал. Мы надеемся, что голос наш не будет одиноким, и что другие представители русской литературы, науки, философии, общественности — русской совести в изгнании — станут в этой принципиальной борьбе открыто и безбоязненно на ту или иную сторону, ибо молчание в данном случае есть признак религиозной и общественной безответственности»²⁰.

Гиппиус, принявшая в составлении письма самое активное участие²¹, через своих приближенных попыталась привлечь и Ремизова. Полагаясь на полное единодушие в оценках скандала с Серафимой Павловной, писатель в двух письмах к жене изложил ход событий, коснувшихся его лично. Впервые об истории с изгнанием Демидова он узнал на литературном вечере, устроенном меценатом и просветителем аббатом К.А. Кенэ. Редактируя свое письмо Серафиме Павловне от 21 февраля 1925 г. для рукописи «На вечерней заре», Ремизов несколько в гоголевском духе добавил экспрессии и в подробностях восстановил ситуацию, схематично изложенную в оригинале:

²⁰ Последние новости. 1925. № 1485, 26 февр. С. 1.

²¹ Гиппиус откликнулась на инцидент с исключением Демидова статьей «Аспиранты. Вокруг “Тайны” С.Р. Минцлова» (Последние новости. 1925. № 1482, 22 февр. С. 2) и впоследствии признавалась, что ее статья стоила ей охлаждения отношений с И.А. Буниным (см.: Из переписки Зинаиды Николаевны Гиппиус и Павла Николаевича Милокова 1922–1930 годов / Подгот. текстов Х. Барана и Н.В. Королевой; вступл. и коммент. Н.В. Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования / Ред.-сост. Н.В. Королева. М., 2002. С. 193). В свою очередь Бунин, объединившись с И. Шмелевым, опубликовал самостоятельное обращение, в котором, подчеркнуто не входя в критику литературного творчества Минцлова, выразил желание восстановить Демидова в Совете (Последние новости. 1925. № 1485, 26 февр. С. 1).

На вечере у аббата был от Мережковских этот «Кувшинное рыло» (Вл. Ан. Злобин). Рассказывал, как из «церковного прихода» (Rue Daru) выгнали И.П. Демидова (Негус и Угрь) «Послед<ние> Новости», за то что С.Р. Минцлова пропустил, напечатал его «изложение» легенды о Иуде. Написан «протест» и подписываются. И не желаю ли я дать мою подпись? Во вторник в 5 ч. он принесет этот протест для ознакомления!

Без тебя, да и вообще подписываться я не стану. Ты это хорошо понимаешь. Им надо моя подпись, а не я. А Минцлов — эмигрантский раздул (от «раздувать»). При нормальных условиях в России печатали бы его в «приложениях», но значения никакого. И рассказ его для «протеста» пылевой, ни одного слова по-настоящему: дунь — и ничего не останется.

И еще: не хочу я в их эмигрантские дела путаться.

Только послушай: «нельзя политику примешивать в искусство и религию». А этих «художников» выгнали, вот тебе чисто, без примеси²².

Рассказ Ремизова с очевидностью демонстрирует, что он лично и его жена относились к общественной жизни эмиграции принципиально отчужденно. Такая индифферентность вызывала раздражение и усугубляла подозрительность воинствующего большинства.

Было бы преувеличением утверждать, что Ремизов сразу по приезде в Париж оказался в кольце тотального недоброжелательства. Дружескую поддержку оказал Н.К. Рерих, который перед отъездом в Америку успел обсудить с писателем его авторское участие в учрежденном тогда же на паях с Г.Д. Гребенщиковым издательстве «Алатас». Уже весной 1924 г. была запущена в производство первая составленная в Париже книга Ремизова «Звенигород Окликанный». В сущности, основной корпус произведений, вошедших в это издание, был представлен новой редакцией авторских переложений народных легенд и сказок о Николае Чудотворце, ранее включенных в сборники «Николины притчи» (Пг., 1917) и «Никола Милостивый» (Пг.; М., 1918). По предложению Рериха издание 1924 г. было пополнено циклом лирических зарисовок к его картинам 1901–1914 гг. «Жерлица дружинная»²³. Отчасти

²² Текст рукописи, а также оригиналы писем за 1925 г. планируются к печати в предстоящих номерах «Литературного факта».

²³ В издании «Алатаса» рубрика имела подзаголовок «К картинам Рериха» с указанием времени создания текстов: 1914–1915. Ср. также записи Рериха 1937 г.:

благодаря этой контаминации название сборника также оказалось «соавторским». Подмосковный Звенигород не имел ровно никакого отношения к бытованию фольклорных сказок о Николе, собранных Ремизовым. Именно это обстоятельство заставляет нас предположить, что и заголовок выбрал Рерих, который с этим названием связывал возникшую в конце 1923 г. утопическую идею о сибирском государстве Звенигород. Эпитет же «окликанный» был перенесен на титул из ремизовского этюда, посвященного картине «Дела человеческие» (1914). По смыслу этот текст, написанный в год начала Первой Мировой войны, отвечал и настроениям Ремизова в 1924 г., связанным с надеждами на возрождение культуры России, и также согласовывался с рериховской идеей образования на Алтае культурно-промышленного государства, автономного от большевистской России. В заключительной строфе ремизовского стиха звучало обращение к строителям будущего:

Пока бьется сердце и горит в вас желание –
жив дух в душе
не престанет жизнь:
новый город вы постройте
и будет он краше и поваднее всех городов
новый город
окликанный!

Ремизов А. Звенигород Окликанный: Николины Притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алтас, 1924. Фрагмент авантюла с дарственной надписью
С.П. Ремизовой-Довгелло. 27 сентября 1924 г. РО ИРЛИ

«Особые отношения были с А.М. Ремизовым. С одной стороны, мы как будто и не часто встречались, но зато внутреннее ощущение было особо задушевное. Вспоминаю его «Жерлицу Дружину». Вспоминаю и последнюю встречу в Париже, записанные им сны. Он не только мастер слога, но и ведун души» (Рерих Н.К. Листы дневника: В 3 т. / Сост., примеч. Н.Г. Михайловой. М., 1996. Т. 2. С. 676).

Сборник был еще на ранних стадиях подготовки к печати, а Рерих тем временем отправил Ремизову только что вышедшую книгу, составленную из пророчеств махатмы Мориа, — «Листы сада Мории. Зов»²⁴. С первой же строки духовной проповеди «учителя мудрости» была заявлена тема России как духовного пространства: «В Новую Россию Моя первая весть» (с. 1). Несомненно, упования Рериха на буддистско-коммунистическое государство не прошли незамеченными в Париже и в сборнике Ремизова были прочитаны как инородное «присутствие». На модернистские стилизации к картинам художника, резко диссонирующие с народным сказом о Николе, отреагировала З.Н. Гиппиус, которая в *post scriptum*'е к своей в целом благосклонной рецензии на это издание писала:

Следует пожалеть, что «Николины притчи», как книга, испорчены приложенной к ней «Жерлицей Дружинной» («к картинам Рериха»). Не вдаваясь в критику «Жерлицы», скажу лишь, что, пристегнутая к «Николе», она есть верх безвкусыя. Тут, впрочем, согласны все, не исключая и самого автора, к чести которого надо заметить, что неудачное соединение совершилось по «независящим от него обстоятельствам»²⁵.

Упомянутая ссылка на авторское мнение о вмешательстве Рериха, вполне вероятно, исходила (в передаче Серафимы Павловны) от самого Ремизова, который занял по отношению к своему «благодетелю» двойственную позицию, часто отзываясь о нем нелюбезно в переписке с женой, но сохраняя внешнюю дружественность в эпистолярных контактах. Подспудно эта двойная игра была исполнена глубокого практицизма. О последнем мотиве можно судить по характеру бессознательного творчества Серафимы Павловны, сон которой,

²⁴ В письме от 28 ноября 1923 г. Г. Гребенщиков передавал пожелание Рериха написать ему мнение по поводу книги «Листы сада Мории» (Amherst. В. 3. F. 2. P. 38).

²⁵ Крайний А. [Гиппиус З.Н.] А. Ремизов. Николины притчи. [Рец.] // Современные записки. 1924. Кн. 22, дек. С. 449. В письме к Серафиме Павловне рецензентка была более благодушна, выразив восхищение книжной новинкой: «Алексея Михайловича целуйте за книжку, — писала она 8 сентября 1924 г., — с большой радостью читала про Николу, даже перечитывала. А конец книги мне не нравится, т<о> е<сть> как-то не сюда идет, я люблю только Николу» (*Lampl H. Zinaida Hippus an S.P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 176*). О проблемах, возникших с оформлением «Звенигорода окликанного», см. также в комментариях к инскрипту Ремизова на личном экземпляре книги: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб., 2016. [С. 434].

сохраняя все несообразности сновидения и трудности вербализации, был записан Ремизовым 2 февраля 1925 г.:

Рёрих

Нарисована картина над воротами:

Изображен учитель, у него синие живые глаза на картине и стоят дальше ряд<ы> учеников в парчовых разноцветных ризах.

Это нарисовал Рёрих.

Смотрю на картину. В это время появился стог сена, немного затмевающий, т.к. он очень высокий, и вдруг стал падать с неба каменный дождь и Рёрих пошел.

А. А.М. говорит мне:

«Мне Рёрих дал 500 francов <sic!>»²⁶.

Судя по всему, Ремизовы успели в письмах Рериху и его жене Елене Ивановне пожаловаться на свое одиночество в Париже. Летом 1924 г. Рерих был уже на полпути в Индию. Он постепенно отстранялся от житейски-будничных проблем эмигрантов, и в ответе друзьям философ-художник уже в образе «человека мира», обращаясь к символу духовного восхождения — лестнице Иакова, взывал к твердости духа:

Родные наши С.П. и А.М., именно родною вестью дошло Ваше письмо. Зачем чувствовать себя одиноко, когда целый ряд сердец открыт Вам и у Вас в руках *Книга* и *Плат* — истинные источники радостей чувственных и материальных. Ибо «человеческими руками и ногами» укрепляется лестница небесная²⁷.

«Проповедническая» стилистика писем Рериха воспринималась Ремизовым почти враждебно, хотя трудно было не согласиться с «учителем», что «ряд сердец», действительно, оказался открыт для него и его супруги. Их контакты с русскими парижанами ограничивались узким кругом, но в этой компании, несмотря на превалирующий в среде литературной эмиграции радикализм в отношении «Совдепии», сохранялся иммунитет к политизированным между-

²⁶ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1033. Л. 5. Ремизовская редакция сна (с рассказом от первого лица) увидела свет на страницах рижской газеты «Слово» (1925. № 1, 11 нояб. С. 3).

²⁷ Amherst. В. 2 Ф. 5. Р. 226; письмо от 20 июня 1924 г. О значении символа «плат» см. в наших комментариях: «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924–1925 (с. 70 наст. изд.).

усобицам, поддерживался интерес к советской литературе и легко принималась литературная молодежь. Так, к общению с Ремизовыми потянулся молодой сподвижник Рериха, сотрудник издательства «Алатас» Б.Г. Шклявер, который привел к ним и своего младшего товарища — 24-летнего поэта В.В. Диксона. История отношений, оборванных внезапной кончиной молодого друга в 1929 г., оставит в их памяти глубокий след и чувство опрокинутых надежд. Ремизов видел в Диксоне талантливого литературного ученика, а Серафима Павловна — родную душу, призванную для духовного подвига и сбившуюся, как и она в свое время, с предназначенного пути²⁸.

Творческая личность Ремизова притягивала к себе искателей новых художественных форм из молодого поколения художников и поэтов, свободно ассимилировавшихся в различных французских группировках. Сергей Шаршун, сблизившийся с Ремизовым еще в Берлине, едва дождался, пока супруги мало-мальски обустроятся на новом месте, и развернул вокруг писателя бурную деятельность, всячески стараясь организовать его контакты с парижским цехом авангардистов. Так в окружении писателя появились организаторы группы «Через» — художник Сергей Ромов и поэт Александр Гингер²⁹. Оба монпарнасса, практически не знавшие «чувства родины», закаленного «испытанием в грозе и буре» революции 1917 г., были захвачены идеей национальной самоидентификации. Третьего основателя группы «Через» — Илью Зданевича — Ремизов хорошо знал в 1910-х гг. и по старой памяти с симпатией воспринимал «заумь» футуриста³⁰. Само название группы, использующее пространственно-временной предлог, подразумевало конкретное преодоление

²⁸ О семейной мифе, интерпретирующем судьбу Серафимы Павловны, см.: *Обатнина Е.* Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2018. № 6. S. 16–25. Дневниковые записи Серафимы Павловны, составленные после смерти Диксона, отражают сложный клубок чувств, в которых любовные переживания сплелись с нерастраченной материнской заботой (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1073).

²⁹ О предыстории создания группы «Через», возникшей из объединения «Палата поэтов», см.: *Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте* / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983. С. 286; *Устинов А.* Александр Гингер в начале 1920-х годов: от «Гатарипака» к группе «Через» // *Toronto Slavic Quarterly*. № 40. Spring 2012 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/45/index.shtml>).

³⁰ Сохранилось письмо Зданевича Ремизову от 26 февраля 1924 г., в котором он приветствует писателя по выходе из госпиталя, благодарит за письмо и выражает надежду на скорую встречу (Amherst. В. 3. F. 7. P. 4). О связях Ремизова с футуристами см.: См.: *Гурьянова Н.* Ремизов и «будетляне» // *Алексей Ремизов. Исследования и материалы*. СПб., 1994. С. 145; *Гурьянова Н.* Альбомы Крученых // *Панорама искусств*. Вып. 13. 1991. С. 373–381; *Обатнина Е.* «Если вы включаете Ремизова в группу футуристов — на это есть некоторые основания». К истории отношений писателя с авангардистами // *Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella*

внешних политических и межкультурных ограничений, препятствующих объединению русских авангардистов, разделенных государственными границами, с французскими единомышленниками, а в целом — интеграцию русских поэтов и художников в общий западно-европейский контекст современной культуры. Среди участников группы, кроме давно знакомых с Ремизовым И. Пуни и С. Шаршуна, были и еще не известные ему имена художников (Н. Габо, В. Барт, Л. Воловик, С. Грановский, Л. Гудиашвили, О. Цадкин) и поэтов (Б. Божнев, Г. Евангулов, В. Парнах, Б. Поплавский, В. Свечников, Г. Струве, А. Юлиус). К работе группы привлекались такие мэтры дадаизма, как П. Элюар, Т. Тцара, художники Робер и Соня Делоне. Ромов в литературной среде русско-французских новаторов позиционировал себя как летописец современной жизни авангарда. В феврале 1922 г. он учредил журнал под названием «Удар. Художественно-литературная хроника Сергея Ромова». Подобное личностное отношение к современности не могло не импонировать Ремизову, который с первых лет эмиграции находился в поиске новых форм отражения литературной и общественной жизни эмиграции в индивидуальном творчестве. Любопытство к новаторскому эксперименту, возможно, обеспечило участие писателя по крайней мере в одном собрании группы, состоявшемся 20 февраля. Предупреждая его визит, Ромов писал:

Париж. 14 Февраля 1924 года

Многоуважаемый Господин Ремизов.

Вы обещали Илье Михайловичу Зданевичу и еще кому-то из наших друзей прочесть доклад или произведение Ваше на одном из наших очередных клубных собраний.

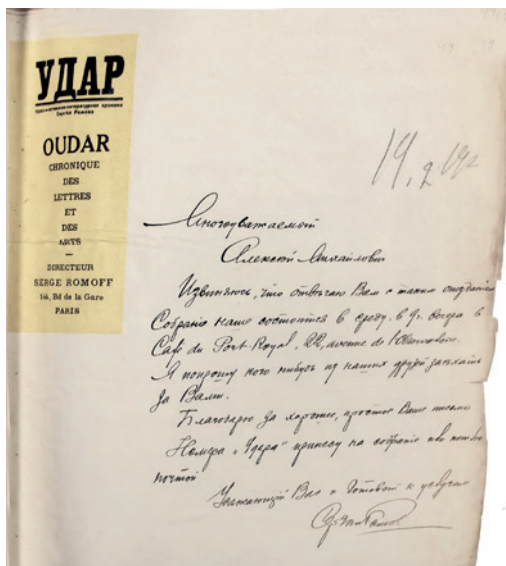
Открытое собрание группы «Через» мы предполагаем устроить в среду 20-го Февраля.

Мы были бы Вам бесконечно благодарны, если бы Вы согласились подготовить свое выступление к этому дню.

Я узнал, что Вы оправились от болезни, и мы будем все очень рады Вас встретить и с Вами познакомиться. Мы к этому дню подготовим выступление наших поэтов, и вы заодно ознакомитесь с их скромными начинаниями. Вы нас очень обяжете.

Буду Вам весьма признателен, если не замедлите <с> ответом о своем решении, чтобы нам успеть поместить объявление и разослать приглашения.

Прошу вас принять уверение в совершенном почтении
готового к услугам
Сергея Ромова³¹.

Ромов С. Письмо А. Ремизову.
14 февраля 1924 г. Amherst

Творческий профиль С. Ромова наверняка был интересен Ремизову и в связи с памятью о А. Блоке, поскольку в 1920 г. этот монпарнасец издал собственный перевод на французский язык поэмы «Двенадцать» с иллюстрациями Н. Гончаровой и М. Ларионова. Сотрудничество нового знакомого с двумя известными представителями русского авангарда стало для Ремизова своего рода гарантией дружественной среды общения, в которую он был погружен

в дореволюционные времена³². Деятельность Ромова, направленная на интеграцию русской культуры в западноевропейский контекст, скорее всего, была использована советскими дипломатами в политических целях. Вскоре он становится одним из активистов созданной при поддержке советского консульства в Париже ассоциации «Новая франко-русская дружба» («Nouvelles amitiés franco-russes»). Культуртрегерское начинание не без оснований сразу же оказалось под прицелом критики «непримиримой» эмиграции. Неслучайно писатель сохранил в своем альбоме с корреспонденцией 1924 г. газетную вырезку под заголовком «В кружке федералистов», в которой сообщалось:

Кружок устраивает в ближайшие дни <...> ряд докладов на темы о федеративном устройстве в разных странах. Доклад о России пору-

³¹ Amherst. В. 3. Ф. 3. Р. 36–37.

³² В частности, в 1915 г. Ремизов и Гончарова работали над совместным книжным изданием под названием «Чаемый Царьград».

чен б. редактору журнала «Удар», ныне секретарю журнала «Новая Франко-русская дружба» Сергею Ромову, о котором говорили, что за ревностную службу большевики собираются назначить его консулом в Париже³³.

Между тем идея федерализма имела внутренние коннотации с евразийским движением. Так сложилось, что в 1924–1926 гг. при участии представителей этого идеологического крыла русской эмиграции создано своего рода «магнитное поле», способствовавшее привлечению Ремизова к разнообразным литературным проектам — от авангардного эксперимента до историко-литературных штудий. Последнее занятие, в конечном счете нацеленное на популяризацию русского мира в Европе, неожиданно возникло в конце зимы 1924 г., когда в жизнь Ремизовых вошли две ученые дамы — подданные Великобритании, поселившиеся в Париже в 1922 г. Об их существовании супруги, конечно, знали и раньше — от Льва Шестова, сумевшего осенью 1923-го убедить «англичанок» спонсировать их переезд в Париж³⁴. Профессор Джейн Эллен Харрисон (Jane Ellen Harrison) со своей ученицей и близкой подругой — писательницей Хелен Хоуп Мирлиз (Helen Hope Mirrlees) впервые встретились с Ремизовыми 3 февраля 1924 г. Обе к этому времени уже были связаны с парижской Школой восточных языков, где изучали русский язык. Достигнутый уровень научной экспансии в изучении русской культуры и истории подвел их к замыслу английского перевода уникального памятника литературы XVII в. «Житие протопопа Аввакума». Ремизовы как блестящий тандем палеографа, получившего профессиональные знания непосредственно в общении с основателями русской научной школы, и тонкого стилиста, опиравшегося на научные труды по древнерусской культуре и книжности, стали неоценимыми консультантами для осуществления этой сложнейшей задачи. Вполне закономерно, что вскоре к их тесному кружку присоединился князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский — один из ревнителей русской культуры на просторах западноевропейского и особенно британского пространства. Он поддержал издательский проект, а образ Аввакума стал для него предметом и собственных

³³ Amherst. В. 3. Ф. 3. Р. 15.

³⁴ Ср. письмо Шестова Ремизовым от 13 сентября 1923 г., в котором он описал положение дел по сбору денег для их переезда в Париж и ближайшие перспективы жизни супругов на новом месте: «Англичанки обещали 5 фунтов. Стало быть, с этим протянете, если не останетесь в гостинице недели на три, четыре» (Amherst. В. 3. Ф. 1. Р. 102b).

литературоведческих работ³⁵. Несколько месяцев продолжалось совместное чтение и разъяснение «Жития», завершившееся изданием труда, которое предварялось благодарственным посвящением чете Ремизовых: *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky. Published by Leonard and Virginia Woolf at The Hogarth Press, 52 Tavistock Square, London W. C. 1924*³⁶.

Особую миссию в парижской жизни Ремизовых исполнил уже упоминавшийся Д.П. Святополк-Мирский. Хотя бывал он в столице Франции лишь наездами из Лондона, где как профессор славистики читал курс по русской литературе в Королевском колледже университета³⁷, ему как, может быть, никому другому из окружения супругов удалось привнести в их жизнь несомненный позитив для возможности результативного труда. Первая парижская встреча с ним состоялась в квартире Ремизовых на rue Chardon-Lagache в конце декабря 1923 г., и с этого времени критик по собственному почину стал заниматься популяризацией произведений писателя в англоязычной читательской среде, что в общем и целом соответствовало его личной просветительской программе «подвигнуть литературно англичан»³⁸ к открытию выдающихся произведений русской литературы. Энергия Мирского иногда творила чудеса. Менее чем через год, уже осенью 1924 г., в двух изданиях на английском языке появилась ремизовская повесть «Часы» (1908) в переводе дореволюционного эмигранта Дж. Курноса (J. Cournos; наст. имя И.Г. Коршун)³⁹. Тогда же под патронажем Мирского началась работа над новым

³⁵ См. его статью «О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка)» (Евразийский временник. 1924. № 4. С. 338–350), которая носила сугубо историко-литературный характер.

³⁶ Библиографию научных работ, освещающих историю подготовки этого издания, см. в наших комментариях к публикации: «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924–1925 (с. 68 наст. изд.).

³⁷ Подробнее о Мирском и истории его отношений с Ремизовым см.: «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора. V. Париж; СПб., 2003. С. 335–401.

³⁸ См.: Письмо Мирского К.И. Чуковскому // Русская литература в письмах (1905–1985): Исследования и материалы / под ред. В.В. Перхина. СПб., 2004. С. 147.

³⁹ *Remizov A.* 1) *The Clock / Authoriz. transl. by J. Cournos.* London: Chatto & Windus, 1924; 2) *The Clock / Authoriz. transl. by J. Cournos.* New York: Alfred A. Knopf, 1924. О Курносе — переводчике Ремизова см.: *Smith M.S.* Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // *A people passing rude: British responses to Russian culture.* Cambridge, 2012. P. 190–192.

издательским проектом на английском языке. Переводчиком стал 24-летний славист, поэт Алек Джон Чарльз Браун (A. Brown), которого в апреле 1924 г. рекомендовал писателю Е.В. Аничков⁴⁰. Алека Брауна, по славистической традиции именовавшегося коллегами на русифицированный манер — Олегом Ивановичем, Ремизов любовно окрестил «крокхвостом»⁴¹. Работа над английским переводом проходила в постоянных консультациях с писателем, и уже осенью была подготовлена к изданию берлинская редакция повести «Неуемный бубен» — «Повесть об Иване Семеновиче Стратилатове» на английском языке⁴². Благодаря качеству перевода Брауна художественное дарование Ремизова в глазах требовательных английских издателей оказалось в сопоставлении с таким признанными феноменом новаторской европейской литературы, как Джеймс Джойс⁴³.

Литературная деятельность Мирского имела прямую взаимосвязь с его идейно-политическими ориентациями. С 1922 г. он приобщается к евразийскому движению⁴⁴, которое выработало альтернативную сменовеховству модель коллективной идентичности России в мировом культурном ландшафте⁴⁵. В этом ракурсе катастрофа Октябрьского переворота расценивалась как закономер-

⁴⁰ 27 апреля 1924 г. Аничков обратился к Ремизову с рекомендательным письмом: «Пишу Вам о молодом англичанине, настоящем начинающем поэте Брауне <...>. Обласкайте. Славный. Переводит Лермонтова и на мое понимание превосходно. <...> Браун хочет Вас переводить. Он читал мне отрывки из Стратилатова. Любовно сделано: и по-русски знает, и по-английски изощряется» (Amherst. B. 3 F. 9). См. о Брауне: Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators... P. 193; Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб., 2001. С. 352.

⁴¹ Имеется в виду «крокодилий хвост», ставший атрибутом обезьяньего знака, дарованного Брауну как кавалеру, «переводчику и управляющему английской обезпропаганды»; подробнее см.: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах*. СПб., 2001 (гл. «Синклит Обезвелволпала»).

⁴² Издание Брауна, дополненное переводом повести «Пятая язва» (1912), вышло в свет два года спустя: *The Fifth Pestilence, together with the History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass, Ivan Semyonovitch Stratilatov / Transl. and Preface by A. Brown*. London: Wishart & Co, 1927. О переговорах Мирского с издательством Chatto & Windus в связи с подготовкой к печати перевода Курноса и Брауна см.: Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб., 2001. С. 354–355.

⁴³ См. отзыв Ч. Прентиса, известный в передаче Алека Брауна (Там же. С. 362).

⁴⁴ О позиции Мирского по отношению к евразийству см.: Д.П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист / Пер. с англ. и вступ. ст. М.В. Ефимова; примеч. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 331–338.

⁴⁵ О сближениях и разногласиях двух платформ см.: *Колеров М.А. Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921–1925) // Вопросы философии*. 1994. № 10. С. 143–151.

ное следствие исторического процесса, преодолимое за счет национального культурного потенциала. Соответственно, как критик Мирский занял позицию последовательного оппонента парижских «непримиримых», вычеркнувших из истории имена талантливых представителей новой советской культуры. Ремизов и Мирский явно находили взаимопонимание по общности позиции «сочувствующего Евразийству не-Евразийца»⁴⁶. Мирский некоторое время даже работал над статьей о писателе для одного из сборников «Евразийского временника», но что-то не задалось, возможно, из-за того же чувства сопротивления любой идеологии. Между тем и это издание, и журнал «Евразийская хроника» в 1924–1925 гг. исправно поставлялись писателю непосредственно из редакций.

Возможно, именно Мирский познакомил Ремизова со своим товарищем — лидером движения Петром Петровичем Сувчинским. Как вспоминал Ремизов,

в нем было что-то от русской истории, когда он появлялся, переполненный евразийством: его мысль зажигалась и сверкала. Такие были в 20-х годах шеллингианцы, а потом гегельянцы, я не сказал бы «марксисты», которые уже очень кратки и безнадежно «реальны», а ведь пыл именно в бесконечной мысли⁴⁷.

Историософская концепция российской государственности как «другого» мира, вобравшего в себя культуру и историю Европы и Азии, несомненно, привлекала Ремизова, но, верный своему реноме аполитичного писателя, он поддерживал дружеские контакты с Мирским и Сувчинским до тех пор, пока их деятельность оставалась в пределах литературы и истории⁴⁸. Очевидно, что взаимоотношения писателя с этими двумя деятелями укреплялись ввиду общих для них оптимистических прогнозов на культурное развитие советской России. Ремизов, внимательно следивший за политическими настроениями диаспоры, едва ли пропустил в берлинской печати тезис Сувчинского: «И мечом, и политикой Россию не освободить. Она победит свой плен и, может быть, плен всего мира внутренним ростом и вдохновением своих культурных сил»⁴⁹. Именно Сувчинский стал конфидентом Ремизова в его раздумьях о возвращении в Рос-

⁴⁶ Цит. по письму Мирского П.П. Сувчинскому от 1927 г. (Там же. С. 338).

⁴⁷ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 290. Л. 6.

⁴⁸ Подробнее о евразийской деятельности Сувчинского см.: Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2009. С. 30–36.

⁴⁹ Сувчинский П.П. Вечный устой // На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2. М.; Берлин, 1922. С. 127.

сию в 1922 г.⁵⁰ Первые шаги к сотрудничеству относятся к концу 1921 г., когда Сувчинский старался вовлечь писателя в евразийский издательский проект. Его кандидатура как транслятора идеологии в художественной форме рассматривалась в переписке Сувчинского с Н.С. Трубецким, который писал, намечая ближайшее будущее:

Ремизова я совершенно не знаю и смутно представляю себе его прежний литературный облик. Если он действительно наш (вполне наш, вплоть до православия), то нельзя ли от него получить что-нибудь если не для сборника, то будущего журнала или альманаха?⁵¹

С 1924 г., после того как Ремизов и Сувчинский, отказавшись от идеи завершения эмиграции, перебрались из Берлина в Париж, они часто виделись и по-прежнему были связаны общими интересами. За время знакомства с писателем Петр Петрович сумел подняться по табели о рангах Обезьяньей Великой Палаты. В 1925 г. ему был пожалован титул князя и звание «Полпреда Евразии»⁵². Ремизов же так и не принял участия ни в одном проекте Евразийского издательства, возглавленного Сувчинским в Париже⁵³, но финансовая поддержка евразийской кассы интересовала его до такой степени, что он иной раз прибегал к «сказочному» шантажу. 24 августа 1925 г. перед отъездом в Бретань, очень беспокоясь, что денег ему хватает на путешествие лишь в одну сторону, Ремизов писал:

Дорогой князь и полпред Петр Петрович, всю неделю ждал вас. Серафима Павловна совсем расхворалась. И поднявшись, поехала

⁵⁰ Отвечая на сомнения Сувчинского, раздраемого между желанием вернуться в Россию и удручающими сведениями о положении культуры в советской республике (письмо от 27 июля 1922 г. // Amherst. В. 1. F. 2. P. 68), Ремизов, исходя из своего опыта жизни в Петрограде до отъезда за рубеж, излагал планы на будущее: «Помоему надо положить себе еще год — еще один год заграничный, а потом в Россию. Незаметно, кто всё время жил, а сейчас приедем очень чувствительно. Изведет постоянная гонь за добычей. Я этого больше всего боюсь, просто сил не станет» (Письма А.М. Ремизова П.П. Сувчинскому // Bibliothèque National de France. Département de Musique; в печати).

⁵¹ Цит. по: *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. С. 232.

⁵² Ср. письмо Ремизова Д.А. Шаховскому: «Вчера наконец состоялось возведение Сувчинского в кав<алеры> и полпреды Евразии. Кн<язь> Мирский принес Royal Gallias и возведенного по обычаю полили для роста и плодотворения» (*Шаховской И.*, архиепископ. Биография юности. Париж, 1977. С. 244).

⁵³ Например, издательство выпускало две серии «Евразийцы — детям» и «Евразийцы — молодежи», о которых как о книгах, «писанных первоклассными авторами», упоминается в финансовом отчете, сохранившемся в архиве Сувчинского (*Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. С. 131).

к одной волшебнице⁵⁴. Умоляю вас и прошу всеми просьбами достать мне 500 fr; как обещали в этом месяце иначе евразийство обречено на гибель <...>⁵⁵

Вполне вероятно, не без денежных вложений Сувчинского в 1925 г. на обложке журнала «Русское Эхо» был напечатан портрет Ремизова работы Б.Д. Григорьева, который сам писатель называл «мой евразийский портрет»⁵⁶.

Собственно, во многом благодаря евразийской теме русской национальной самоидентификации черная полоса неуверенности и неприкаянности в эмигрантском Париже сменилась в жизни Ремизовых плодотворным периодом, когда оба они зарекомендовали себя в глазах просвещенных европейцев носителями бесценного культурного знания.

Трудно переоценить степень дружеской заботы Льва Шестова, который с приездом писателя и его супруги в Париж использовал все возможности, чтобы они оказались в центре внимания французских литераторов, критиков и переводчиков, особенно из круга так называемых «славянофилов»⁵⁷. В 1924 г. завязалась многолетняя переписка с одним из знатоков истории русской литературы, этнографом Жюлем Легра (Jules Legras), а также с переводчиком

Портрет А.М. Ремизова работы Б. Григорьева. Фото с дарственной надписью Ремизова С.Я. Осипову. 27 апреля 1924 г. Музей ИРЛИ

⁵⁴ Ср.: «Случилось, поехала С.П. к Морю-Океану за морскими камушками и раковинами к одной доброй бретонской волшебнице Флери (Fleury)» (Ремизов А.М. По карнизам // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб., 2014. С. 478).

⁵⁵ Письма А.М. Ремизова П.П. Сувчинскому // Bibliothèque National de France. Département de Musique (в печати).

⁵⁶ Там же; письмо от 7 августа 1925 г.

⁵⁷ См. примеч. 14.

Андре Пьерром (André V. Pierre). Еще в конце 1923 г. Ремизовы возобновили контакты с французами, стоявшими у истоков научной славистики еще в 1900–1910-х гг. в Петербурге — с Полем Буайе (Paul Boyer) и Андре Мазоном (Andre Mazon)⁵⁸.

Буайе в 1891 г. основал кафедру русского языка в Школе восточных языков, а с 1908 г. стал директором этого знаменитого института. «Павел Юльевич», как величали его русские, оказался одним из первых парижан, с сердечным радушием приветствовавших их приезд. 3 декабря 1923 г. профессор писал Ремизову:

Дорогой поэт мой.

Простите великодушно, что я до сих пор и не написал Вам, и не заходил к Вам. Веду ведь проклятую жизнь, целиком поглощенную в самые разносторонние, не терпящие отлагательств и даже *главные* занятия.

А страшно хочется повидаться с Вами и Серафимой Павловой. Следовательно, мы с Вами скоро устроим свидание. А пока что, вот что я Вам предлагаю: не откажите мне в согласии Вашем обедать со мной завтра в 8 ч<асов> Cercle de la Renaissance, 12 rue de Poitiers <...>. Я собираю на обед несколько коллег, французов и русских. Думаю, что Вам приятно будет побеседовать с ними <...>⁵⁹.

Именно эта встреча решила будущее Серафимы Павловны. Настал ее звездный час, и впервые в жизни она смогла почувствовать личную состоятельность в научном мире и применить профессиональные знания, полученные в Императорском Археологическом институте⁶⁰. О начавшейся в 1924 г. трудовой деятельности, которой были посвящены семнадцать последующих лет, Ремизов подробно написал в ранней редакции романа «В розовом блеске»:

В 1924 г. принятая Буайе и Мазоном (Membre de l'Institut, professeur au Collège de France) в школу восточных языков (École Nationale des langues orientales vivantes, 2 Rue de Lille, VII) С.П. открыла курс (Cours libre) славяно-русской палеографии: с 1924 г. лекции проходили при курсе Буайе. А с 1937 — при курсе Паскаля. <...>

⁵⁸ О знакомстве с П. Бойе (в ремизовском написании *Буайе*) и Андре Мазоном до революции в Париже и Петербурге Ремизов упоминал в ранней редакции романа «В розовом блеске» (ГЛИМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 48).

⁵⁹ Amherst. В. 3. Ф. 6. Р. 1–1а; письмо от 3 декабря 1924 г.

⁶⁰ См. об этом: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 75–78.

Задача курса «славяно-русской палеографии» была шире понятия о «палеографии». Палеография не только искусство читать древние рукописи, но также изучение языка этих рукописей. Как основы русской речи. К вопросу «где» и «когда» присоединялось: «что», «как» и «откуда».

До войны 1939 из году в год 15 лет открывался курс славяно-русской палеографии в школе восточных языков. Слушатели по преимуществу французы⁶¹.

Летом 1924 г. Ремизовы отправились в Чехословакию. Переговоры об этой поездке начались еще в 1923 г. в связи с планами по подготовке к печати новой редакции первого романа Ремизова «Пруд» в пражском издательстве «Пламя», которое с 1923 г. возглавил Е.А. Ляцкий⁶². Участвовавший в организации этой поездки Д.А. Лутохин оставил несколько ценных дневниковых записей, отразивших впечатление от встречи с Ремизовыми в Праге. До этого они виделись в 1922 г. в Берлине.

11 августа

Встретили сегодня со Слонимом⁶³ и Колбасиной⁶⁴ Ремизовых. Она <С.П. Ремизова-Довгелло. — Е.О.> добрая (а Вы всё более-те — заметила она мне на соответствующую реплику). Он согнулся, у него горб вырос большой (или я раньше этого не замечал?). Жаловался, что в Париже жизнь *круче* (С<ерафима> П<авловна,> однако, говорит, что за квартиру они платят 800 франков!). Когда он приехал, то многие ему руки не подавали: *большевик!* Задают там тон Мереж<овские> и Бунин. Председатель союза писателей —

⁶¹ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 63. Л. 49.

⁶² Замысел Ремизова впервые высказан в письме к Д.А. Лутохину от 19 апреля 1924 г. с просьбой адресовать идею нового издания романа «Пруд» Е.А. Ляцкому (Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 960). Историю несостоявшегося издания четвертой редакции романа «Пруд» в издательстве «Пламя» см.: *Грачева А.М.* Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период // «Русская украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведения исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Международная конференция. Прага, 14–15 августа 1995 г.: Сб. докладов. Прага, 1995. С. 330–337; *Keys R.* New light on Remizov's first novel *Prud* (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House // Slavonica. 2004. April. Vol. 10. № 1. P. 62–65.

⁶³ М.Л. Слоним.

⁶⁴ О.Е. Колбасина-Чернова гостила в Праге с июля 1924 г.

Чайковск<ий>⁶⁵, союза журналистов — Милоков⁶⁶. Из первого союза на дорогу дали ему 350 франков! Теперь отнош<ения> стали лучше. Говорил, что про Далмата рассказывали, что он изобрел пилюлю анти-большевицкую (очередная мистификация). Очень смешно рассказывал о амер<иканской> дуэли⁶⁷ между Сол<омоном> Каплуном и Шрейдером из Логоса⁶⁸. Дуэль была америк<анской>. Соломон удалился, затем раздались два выстрела. Он вышел: оказалось — револ<ьвер> дал осечку. Затем состоялось примирение... Судьба беседы неизвестна... Вторая мистификация... И так без конца. Почти ничего не ест, пьет черный кофе и сладкие вина. У С<ерафимы> П<авловны> печень не в порядке⁶⁹.

12 августа

Вечером чествовали Ремизова. Были Мансветовых 2, Слон<им> 1, Цветаевой <так!> 2, Колбасина 1, Ляцкий — 2, Кизеветтер, Мякотин, Керенский <?>, Булгак<ов>, Тукалевских 3, Лут<охин> 1, Чир<иков>, Гесс<ен>⁷⁰. Ремизов заявил, что у меня в душе цветет репейник. Выпили сильно, спорили о литературе. Ремизова всё протестовала против моей болтовни, особенно по поводу «кошунства ленинградки»⁷¹. Она жаловалась на бесчувствие Бунина и Мережковского. Гиппиус другой человек — отзывчивый и внимательный⁷².

⁶⁵ Н.В. Чайковский в 1921 г. был избран председателем Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

⁶⁶ П.Н. Милоков с 1921 г. возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже.

⁶⁷ Правила т.н. «американской дуэли» предполагают разные варианты: в одном случае противники в течение нескольких дней выслеживают друг друга в лесу, используя при этом охотничьи приемы, засады и другие обманные действия; в другом это обычный поединок с оружием в присутствии зрителей, но без участия секундантов; в третьем — разыгрывается жребий, обязывающий одного из дуэлянтов застрелиться в течение года.

⁶⁸ Книготорговое общество “Logos” («Логос») существовало в Берлине с 1922 по 1928 гг. Александр Абрамович Шрейдер (1895–1930) являлся одним из основателей берлинского книгоиздательства «Скифы».

⁶⁹ РО ИРЛИ. Ф. 592. № 4. Л. 60об.–61.

⁷⁰ Перечисляются представители русской творческой интеллигенции в Праге вместе с членами их семей.

⁷¹ Возможно, речь идет о статье А. Госунского «О чужих и ненужных», посвященной ревизии театральных периодических изданий Ленинграда, в которой автор разоблачает скрытые диссидентские настроения журнала «Жизнь Искусства» (Ленинградская правда. 1924. № 162, 18 июня. С. 5). Очевидно, что данная статья не могла оставить равнодушными Ремизовых, поскольку в ней были перечислены ближайшие товарищи писателя по литературному цеху, оказавшиеся теперь под подозрением Советской власти. Кроме того, о выполнении установок большевиков на страницах этого издания Ремизов знал не понаслышке, опубликовав в 1920 г. в «Жизни Искусства» серию рецензий на пьесы, рекомендованные Репертуарной секцией Театрального отдела Наркомпроса для постановки в театрах.

⁷² РО ИРЛИ. Ф. 592. № 4. Л. 61об.

16 августа

Забегал к Ремизову. Вечером Булгаков⁷³ притащил ему свой альбом, просил что-то надписать. <...> Ремизов написал кириллицей, глаголицей, по нов-ому и стар-ому русскому правописанию. Журнал меня, что я не мудр и подвожу его: на банкете уверял, что он курнос (ну что же делать, что у него не римск-ий нос!) — намек на мой плач о нехудожественности чешской литературы; при Адрианове⁷⁴ рассказывал о банкете. Адрианов и Ремизов говорили о том, что Гиппиус старухой стала, и объясняли ее *девством*. А что же Мер-ежковский, спрашиваю: ну он и спереди и сзади, говорит Ремизов. Так ли? В нем что-то патологическое в этом отношении...⁷⁵

18 августа

Провел последний день с Ремизовыми и окончательно разругался с ней, Ремизовой: говорил ей: С.П., а ведь даже чехи на вас с почтением оглядываются (чешки толстые, но по сравнению с ними она — колосс, который вырос даже за неделю существования здесь!). — Она вдруг задрожала даже вся от гнева, оставьте ваш тон, говорите со мной как с принцессой — или будьте от меня подальше. — В обществе принцесс, отвечаю, к сожалению, никогда не был, а уйти совсем после предпочту. Ну — и хорошо. Показал я ей после этого платки пунцовые по 24 кроны и откланялся. А.М. опять шепотком говорил мне, что как я не пойму, что *болезнь это у С.П.* и нельзя ее касаться. <...> От Ремизовых я усталое шел назад. Милые они люди, как почти двадцать лет назад они меня радовали⁷⁶.

⁷³ Валентин Федорович Булгаков (1889–1966) — писатель, мемуарист, последний секретарь Л.Н. Толстого; в 1924–1926 гг. председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

⁷⁴ Сергей Александрович Адрианов (1871–1942) — историк литературы, публицист, переводчик; известная фигура в научных и литературных кругах дореволюционного Петербурга: член Имп. Археографической комиссии (с 1896), ученик И.А. Шляпкина; доцент Санкт-Петербургского университета (с 1905), профессор Высших женских курсов; заведующий отделом критики журнала «Вестник Европы» (с 1909), редактор газет «Слово» и «Русская молва»; критик и рецензент произведений символистов и модернистов, в том числе Ремизова; после Октябрьской революции — профессор Первого Высшего педагогического института; в 1922–1924 г. один из последовательных сторонников национал-большевизма, ближайший сотрудник редакции журнала «Новая Россия».

⁷⁵ РО ИРЛИ. Ф. 592. № 4. Л. 62.

⁷⁶ Там же. Л. 62 об. Впервые фрагменты опубликованы нами во вступ. статье к публикации: Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925). С. 949–951.

Впечатления о посещении столицы Чехословакии нашли отражение в рассказе «Самоцветное»⁷⁷, позднее оказавшемся в составе неопубликованного при жизни писателя романа «Учитель музыки». Здесь любимые ремизовские темы (история славянского мира и ностальгия по России) сплелись с евразийской идеей «перепутья» Востока и Запада. Встреча с родственной языковой культурой вызвала в писателе острое переживание, как будто он оказался на обратной дороге «домой»:

«Россия» — из самой глубины сердца, и желанное, прозвучавшее по-московски «просим»⁷⁸ — моя первая встреча в Праге, как по дороге в Прагу белая береза — первая родная весть⁷⁹.

Однако характерно, что любовь Ремизова к «родным березкам» хоть и была искренней, но не затмевала трезвого взгляда на обстоятельства собственной жизни и развитие реальной истории, изменившей образ страны, именовавшейся теперь «С.С.С.Р.». Свое иллюзорное чувство близости к России Ремизов обыграл в частном письме в связи с необычным приключением. Тогда же, летом 1924 г., в окрестностях известного курорта Карлсбад Ремизовы стали очевидцами астрономического феномена, получившего в науке название «великое противостояние Марса». Это явление случается с периодической повторяемостью, но именно 23 августа 1924 г. ученые зафиксировали максимально близкое расстояние между Марсом и Землей. Прогнозируемый рекорд был использован местными любителями астрологии для налаживания контакта с марсианами. Об этом Ремизов и поспешил сообщить своему петербургскому корреспонденту Е.И. Замятину, очевидно, памятуя о его сказке «Огненное А» (1918), в сюжете которого также присутствует мотив сигнализации на Марс:

Вчерашнюю ночь при сигнализации на Марс послышался в ответ сначала хрип (прохождение через атмосферу), а минут через 20–25 (часы я потерял!) явственно как бы некий глас:

«Чего вы шумите — (малое матовое обложение и затем): говорите по-русски!»

Все немало дивились, не понимая, я же радовался русской речи, которую в такой чистоте не слышал вот уж в августе 3 года будет⁸⁰.

⁷⁷ Ремизов А. Самоцветное // Последние новости. 1924. № 1358, 28 сент. С. 2. Другое название в составе романа «Учитель музыки» — «Прага: Самоцветное».

⁷⁸ Prosim (чешск.) — пожалуйста.

⁷⁹ Цит. по: Ремизов А.М. Прага: Самоцветное // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9: Учитель музыки. М., 2002. С. 227.

⁸⁰ Письмо от 1 сентября 1924 г. из Карловых Вар (Переписка Е.И. Замятина с А.М. Ремизовым (1914–1936); в печати).

Ироническое повествование о «великом противостоянии» Марса Земле было повторено писателем в рассказе «Карлсбад. К елениному соку»⁸¹, где прозрачно объективируются авторские корреляции Россия — Марс и Запад — Россия:

Еще загодя мы обсели все горы <...> тут были установлены всякие взрывчатые аппараты для сигнализации <...> ровно в полночь заработали металлические снаряды — тысяча ракет самых пульких запущено было на Марс. Наступило молчание. И вдруг послышался голос — глухо, но достаточно внятно: «Чего вы шумите? — говорите по-русски!» Так все и ахнули <...> Марс между тем подошел совсем близко. Я навел закопченное стеклышко и, верите ли, явственно увидел: через весь Марс — Обводный канал⁸².

Творческим результатом поездки в Чехословакию стала повесть «По карнизам» (1929), первоначально озаглавленная “La vie”⁸³, в которой писатель предъявил новую форму автобиографического повествования⁸⁴. Сквозная тема «чудесного в обыкновенном» проявилась в повести благодаря неизменной ремизовской способности из узких лабиринтов реальной жизни находить выход на просторы беспредельной фантазии, творческого эксперимента и личной независимости от обстоятельств, мнений и регламентаций. Повесть охватывает биографию писателя 1923–1926 гг. и содержит сюжеты, связанные с последним годом жизни Ремизовых в Германии и последующими двумя — во Франции.

Между тем публиковать в Париже новые произведения становилось всё сложнее. В 1925 г. положение с литературными заработками стало критическим, что вызывало геометрическую прогрессию образования бытовых проблем. Постоянное напряжение создавалось в дни оплаты квартиры. Отчаянье таких моментов сохранилось в записке Льву Шестову от 30 мая:

⁸¹ Ремизов А. Карлсбад. К Еленину соку // Звено. 1924. № 89, 13 окт. С. 2–3. Другое название в составе романа «Учитель музыки»: «Карлсбад. К еленьему соку».

⁸² Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. Учитель музыки. Каторжная идиллия. С. 232.

⁸³ Впервые это название прозвучало в авторском примечании к рассказу “La Matière”, 1924 (Современные записки. 1926. Кн. 27. С. 101).

⁸⁴ Подробнее о повести «По карнизам» как новой форме автобиографического повествования в творчестве Ремизова см.: Обатнина Е. «Я душа человечья...» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб., 2015. С. 574–611.

Дорогой Лев Исаакович,
 В понедельник наступает срок платить за квартиру
 Ничего нет и нечего заложить
 Не набезало ли чего у Семена Владимировича <Лурье. — Е.О.>
 Алексей Ремизов⁸⁵

В черновой редакции повести «По карнизам» есть фрагменты, содержащие отголоски чувства незащищенности перед внешним миром, которое постоянно сопровождало писателя:

...когда приходит срок платить за квартиру, а платить нечем, не ждешь чуда. Ведь мы живем «чудесным образом»! От моего «сочинительства» — пустяки, а что С<ерафима> П<авловна> зарабатывает, этого никак не хватает, стало быть, всякий раз «чудесным образом», никакой «стипендии» я не получаю⁸⁶, хуже, приятели упорно распространяют слух, что получаю, и все спокойны и никому в голову не приходит, что «чудесным образом» и что в один прекрасный день, а ведь всё может случиться, чего ж закрывать глаза, чуда не произойдет и тогда — ⁸⁷

«По карнизам», несмотря на всю несерьезность ремизовских «чудес» (от «святой» мышки, поселившейся в квартире, до различных представителей невидимого мира, опровергающих своим присутствием представления об объективной реальности), является ироническим и вместе с тем глубоко трагическим освоением философии жизни в соотношении с пространством «четвертого измерения». В предисловии к повести Ремизов рассказывает об освобождении своего сознания от ограниченного условностями эмпирического мира. Для этого нужно перейти с одного берега реальности на другой берег сверхреальности. В 1924 г. о таких «переходах» заговорили и французские сюрреалисты. Осенью в печати появился сначала очерк Луи Арагона «Волна грез», а немного позднее «Манифест сюрреализма» Андре Бретона. Одной из продуктивных сфер творчества авангардисты считали сновидения. Как известно, новаторы применяли специальные техники регуляции психоэмоционального состояния, благодаря которым происходило погружение в гипнотический транс

⁸⁵ Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 4. С. 164.

⁸⁶ Ср. письмо Ремизова Л. Шестову от 22–23 июня 1925 г.: «Кто-то пустил слух / что я получаю субсидию 1000 frs в месяц. Был Сувчинский, тоже передает: слышал от Бердяева / Вишняк, Осоргин — откуда?» (Там же. С. 155).

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. № 1. Л. 17.

и осуществлялась «автоматическая» запись видений, продуцируемых подсознанием. Ремизов, начавший практиковать запись не только собственных сновидений, но и сновидений Серафимы Павловны еще в самом начале 1900-х гг., к 1924 г. уже имел значительный опыт внедрения этого абсурдистского жанра в литературу. Интерес сюрреалистов к русскому писателю, в дальнейшем вылившийся в сотрудничество, возник начиная с 1925 г., когда французский читатель получил возможность познакомиться с ремизовскими «снами». Переводы текстов, описывавших, по собственному выражению автора, «подлинные ночные приключения», впервые были напечатаны в “*La revue française politique et littéraire*” (1925. № 50, 15 марта). Позднее в 1926 г. литературные сны увидели свет в парижском “*Les Chroniques du Jour*” (№ 3, 15 мая), а в 1927 г. — в марсельском журнале “*Cahiers du Sud*”. Если французы видели в Ремизове союзника в освоении новых творческих путей познания бытия, то совсем иначе оценивали ремизовские эксперименты в эмигрантских писательских кругах. Построенные на документальной фиксации подсознания, его «натуральные» сны не раз становились предметом эстетических и, не в меньшей степени, этических дискуссий, поскольку героями его бессознательного оказались многие реальные известные персоны. Критические эскапады в адрес Ремизова начались в связи с выходом из печати первых глав «По карнизам», построенных на переплетении реальных событий со сновиденным их отражением. Так, Н. Кульман счел сновидения, в которых фигурировали многие известные деятели эмиграции, стремлением автора к экстравагантным эффектам, связав эти тексты с игровой, вымышленной поэтикой ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной Палаты также ассимилированной Ремизовым в литературный быт своих друзей и знакомых:

“*La Matière*” Ремизова написан, очевидно, в духе излюбленного им «обезьяньего ордена»: «права безграничные и ничего не признается: ни пространства, ни времени, и образ действия любой, против нормального мышления»⁸⁸. Как ни талантлив, ни ярок, ни своеобразен Ремизов, а все-таки против этого «обезьяньего» принципа читатель за последнее время начинает восставать, ремизовские «сны» заставляют читателя подозревать, что автор просто его дурачит: ведь таких снов можно с легкостью придумать целые томы⁸⁹.

⁸⁸ Здесь цитируется «Обезьяний манифест» Ремизова, вероятно по тексту публикации в иллюстрированном еженедельнике «Русское эхо» (1925. № 33, 30 авг. С. 5).

⁸⁹ *Кульман Н.* Зачем молодиться? («Современные записки», кн. 27-ая и 28-ая) // Возрождение. 1926. № 499, 14 окт. С. 3.

Эта рецензия, осуждающая Ремизова за использование реальных имен в своих литературных сочинениях, была не единственной. Стремление писателя к стиранию границ не только между реальностью и сном, но и между литературой и жизнью вызывало у критиков устойчивое раздражение. Первая публикация миниатюр, объединенных общим названием «Мои сны», появившаяся осенью 1925 г. на страницах парижского журнала «Звено», создала в дальнейшем серьезные препятствия для развития этого жанра. Сотрудник «Звена» К. Мочульский, сочувствующий новациям писателя, вынужден был ему сообщить о судьбе второй части цикла:

<1925 г., не ранее 26 октября>

Дорогой Алексей Михайлович,

Несмотря на все мои старанья *Винавер* продолжения снов печатать не соглашается⁹⁰. У него какие-то резонные соображения. Рукопись пришлют <...>⁹¹

Ремизовский «документализм» встретил неодобрительное отношение также в связи с публикацией рассказов, посвященных мифическому обществу Цворфизон, в которых писатель пародировал деятельность берлинской Вольной философской ассоциации⁹². Характерно, что герой этого бурлеска Лев Шестов ничуть не возражал против «апокрифической» истории эмиграции, написанной его другом. Между тем в редакциях периодических изданий Берлина и Парижа с осторожностью отнеслись к свободному обращению Ремизова с реальностью и именами. Так, редактор газеты «Дни», выражая общее коллективное мнение, писал Ремизову:

Берлин, 13 февр. 1925

Дорогой Алексей Михайлович,

Михаил Матвеевич <Тер-Погосян. — *Е.О.*> передал в редакцию переданный Вами «Цворфирзон». К большому моему личному сожалению редакция считает для себя неудобным его опубликовать — все живые лица — но очень все просили обратиться к Вам с просьбой дать какой-нибудь рассказ <...>

В. Зензинов⁹³

⁹⁰ Курсивом выделены слова, подчеркнутые Ремизовым красными чернилами. М.М. Винавер — редактор газеты «Звено» (1923–1926), совместно с П.Н. Милюковым.

⁹¹ Amherst. Series 2. В. 16. F. 29.

⁹² Подробнее см.: *Обатница Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. С. 137–141.

⁹³ Amherst. Series 2. В. 3. F. 15.

Куда смелее и свободнее в оценках этических норм оказались журналисты новых рижских изданий: в майском номере литературно-художественного журнала «Наш огонек», образованного в самом начале 1925 г., была напечатана серия миниатюр «Z.V.S.» (Цво-фирзон), а в газете «Слово» — продолжение цикла «литературных снов»⁹⁴.

К Пасхе 1925 г. Ремизов, как и планировал, завершил роман «Взвихренная Русь», который пополнился главой «На даровых хлебах», состоявшей из рассказов о петроградской жизни 1919–1920 гг. Эти произведения Ремизов готов был предоставить на суд ближайших друзей и надеялся поскорей опубликовать. Однако возможность печататься в парижской периодике обернулась существенной проблемой, поскольку издания с большим тиражом избегали его предложений. В этой ситуации на помощь Ремизову пришел товарищ со времен вологодской ссылки и журнала «Вопросы жизни» Н.А. Бердяев. В начале лета у философа в Кламаре собралась компания старейшин Обезвельволпала на ремизовские «чтения». Следствием этого вечера стали значительные изменения в положении писателя, потерявшего надежду пробиться на страницы многотиражных эмигрантских изданий. В письме от 12 июня 1925 г. Бердяев представил отчет о том, как, используя свой авторитет, ему удалось восстановить status quo писателя в редакциях газеты «Последние новости» и журнала «Современные записки»:

Дорогой Алексей Михайлович! Я аттаковал <sic!> И.И. Фундаминского <sic!> и И.П. Демидова, ругал Мережковских. Оба уверяют, что не имеют ничего против Вас, но считают Вас писателем аристократическим, для немногих и потому трудным для читателей. Демидов кроме того говорит, что Ваша вещь не была принята в «Последние Новости», потому что слишком велика по размерам. Да и Милюков боится чертей, которые всюду в Вас кишат. Я очень очень восхвалил то, что Вы нам читали (под аккомпанемент Евгении Юдифовны, которая ругала Бунина), и советовал Фундаминск<ом>у непременно напечатать три отрывка в «Современных» Записках». Он, по-видимому, не только ничего против этого не имел, но даже благодарил меня за указание. Посылайте в «Современные За-

⁹⁴ Ремизов А. Z.V.S. // Наш огонек. 1925. № 22, 30 мая. С. 2–5; Ремизов А. Мои сны. Литературные <Вячеслав Иванов. Сологуб. Савинков. Рерих. З.А. Венгерова. Jean Pougny> // Слово. 1925. № 1, 11 нояб. С. 3.

писки». Почва довольно благоприятная. Я высказал несколько истин об эмигрантских нравах в очень радикальной форме и меня слушали сочувственно. И. Фундаминский и Демидов люди довольно милые⁹⁵.

В результате в сентябрьской и декабрьской книгах «Современных записок» были напечатаны три ремизовских рассказа «По “бедовому” декрету», «Труддезертир» и «Сережа», имевшие успех, независимо от политических векторов и предубеждений редакционных коллегий⁹⁶. Смягчились и Мережковские. 23 декабря З.Н. Гиппиус передавала Ремизову в письме, адресованном Серафиме Павловне, признание высокой степени художественного мастерства и жизненной подлинности его произведений о России:

Скажите Ал<ексею> Мих<айлови>чу, что мне так понравились его рассказы <...> в Совр<емненных> З<аписках>; Дм<итрию> С<ергееви>чу особенно нравится там первый⁹⁷, вот бы, говорит, французам его перевести, поняли бы нашу жизнь. А то как дубины <...>⁹⁸

Между тем финансовое положение Ремизовых ухудшалось день ото дня. Страх перед платежами за квартиру сопровождался разного рода потрясениями. В начале лета, после завершения семестра в Школе восточных языков, Серафима Павловна не получила денег за курс прочитанных лекций, к тому же возникли серьезные проблемы с ее здоровьем. Крайне тяжелое моральное состояние супругов прочитывается в нескольких летних письмах, адресованных Л. Шестову⁹⁹. Не мирясь с положением вечных просителей, они категорически отвергали разного рода советы друзей, предлагавших им широкий и нереалистичный диапазон действий — от отъезда на постоянное место жительства в Прагу до переезда в пригород Парижа Кламар (Clamart). В конце ноября в мрачной череде бедственных обстоятельств появился просвет: забрезжила возможность получить спасительный гонорар за лекцию Ремизова в Брюсселе. Приглашение поступило через знакомо-

⁹⁵ Amherst. В. 4. F. 1. P. 68.

⁹⁶ Рассказы были отмечены в рецензиях А. Левинсона (Дни. 1925. № 818, 4 окт. С. 4), Ю. Айхенвальда (Руль. 1926. № 1554, 13 янв. С. 2–3).

⁹⁷ Речь идет о двух рассказах Ремизова, опубликованных в 26 книге журнала «Современные записки», которая вышла из печати в декабре 1925 г.: «Труддезертир» (С. 161–183), «По “бедовому” декрету» (С. 183–194).

⁹⁸ *Lamp! H. Zinaida Hippus an S.P. Remizova-Dovgello. S. 176.*

⁹⁹ См.: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 167–172.

го Юрия Цебрикова¹⁰⁰, активиста местной Академической группы, сотрудничавшего в только что организованном Д.А. Шаховским журнале «Благонамеренный». Как писал Цебриков, подготавливая ремизовский приезд, местные русские ученые «настолько ценят Вас, что непременно хотят Вашу лекцию и просят прочесть что-либо вообще по вашей литературе и на какую угодно тему»¹⁰¹. Виза была получена, афиши отпечатаны, номер в гостинице забронирован. Ремизова пришли встречать к прибытию поезда 25 декабря, но накануне отъезда у Серафимы Павловны случилось сильное обострение болезни печени, и писатель отказался от поездки.

Так тяжело заканчивался 1925 год. Еще 4 декабря, отправляя Шестову («для развлечения») публикацию в рижском «Слове» так возмущивших парижских редакторов «литературных снов»¹⁰², писатель пытался сохранить ироничный тон при упоминании о самочувствии (вдруг появились сильные спазмы в солнечном сплетении)¹⁰³, но сорвался и главную проблему своей “la vie” обозначил «кричащими» прописными буквами:

ДЕЛА МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
С ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ БЕЗНАДЕЖНЫ¹⁰⁴.

И всё же надежда «на чудо» не оставляла его. Заканчивая свое грустное послание, он добавил, вспомнив народную примету, которая, особенно учитывая болезнь «солнечного сплетения», обязатель-

¹⁰⁰ Георгий Владимирович Цебриков (1896/1900–1966) — активист брюссельской Академической группы, священнослужитель православной (рукоположен в сан дьякона 15 декабря 1925 г.) и впоследствии католической церкви, прозаик, переводчик; в частности, для Ремизова перевел «Обезьяний манифест» на испанский язык.

¹⁰¹ Amherst. В. 4. F. 2. P. 12.

¹⁰² Ср. письмо Ремизова Шестову от 4 декабря 1925 г.: «Посылаю для развлечения продолжение “снов”. Здесь отказались печатать, пришлось в Риге — там для № 1 новой газеты приняли. Сны эти, как в “Звене” которые, еще в Петербурге снились» (Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 173).

¹⁰³ Ср., по всей вероятности, неотправленное письмо Ремизова Я.М. Цвибаку (А. Седых) от 30 мая 1926 г., в котором он вновь вернулся к дискуссии 1925 г., возникшей вокруг его автобиографической прозы и литературных «снов»: «К употреблению знакомых — я-то не прекратил (в рукописи пишу полностью!) / меня прекратили. И захворал я до того, что заболело “солнечное сплетение”. А это очень мучительно. И вот в эти мучительные минуты, сидя с грелкой, я занимаюсь рисованием <...>» (Amherst. В. 4. F. 13).

¹⁰⁴ Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 173.

но должна была изменить ход жизни к лучшему: «Жду солонорота, когда медведь перевернется в берлоге на другой бок лапу сосать»¹⁰⁵.

Литература

Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 834 с.

Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Пушкинский Дом; Europa Orientalis, 2003. 405 с.

Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. 2013. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014. С. 268–337.

Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Русский путь, 2009. 810 с.

Грачева А.М. Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведения исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Международная конференция. Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов. Прага: Narodni knihovna CR, 1995. С. 330–337.

Гурьянова Н. Альбомы Крученных // Панорама искусств. 1991. Вып. 13. С. 373–381.

Гурьянова Н. Ремизов и «бюджетяне» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 142–150.

Д.П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист / Публ., пер. с англ. и вступ. ст. М.В. Ефимова; примеч. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 331–338.

Из переписки Зинаиды Николаевны Гиппиус и Павла Николаевича Милокова 1922–1930 годов / Подгот. текстов Х. Барана и Н.В. Королевой; вступ. и коммент. Н.В. Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования / Ред.-сост. Н.В. Королева. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 156–212.

Колеров М.А. Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 143–151.

Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. II. СПб.: Феникс, 2001. С. 349–367.

Обатнина Е. «Если вы включаете Ремизова в группу футуристов — на это есть некоторые основания». К истории отношений писателя с авангардистами // Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella d'Amelia = Параллели: исследования по русской литературе. Антонелле д'Амелия / A cura di C. Diddi e D. Rizzi. Salerno: Vereja Edizione, 2014. С. 181–204. (Europa Orientalis. Vol. 22).

Обатнина Е. Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. № 6. S. 16–25.

¹⁰⁵ Там же.

Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Обатнина Е. «Я душа человечья...» (Новая проза Алексея Ремизова: 1918–1929) // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 11: Зга. СПб.: Росток, 2015. С. 574–611.

Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 4. С. 146–158.

Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 167–172.

Перхин В.В. Русские литераторы в письмах (1905–1985): Исследования и материалы. СПб.: СПбГУ, 2004. 311 с.

Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 944–974.

Рерих Н.К. Листы дневника: В 3 т. / Сост., примеч. Н.Г. Михайловой. Т. 2. М.: МЦР; Мастер-Банк, 1996. 687 с.

Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. Париж: YMCA-Press, 1983. 422 с.

«...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.

Устинов А. Александр Гингер в начале 1920-х годов: от «Гагарапака» к группе «Через» // Toronto Slavic Quarterly. № 40. Spring 2012. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/45/index.shtml> (дата обращения: 06.10.2019).

Keys R. New light on Remizov's first novel, *Prud* (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House // Slavonica. 2004. April. Vol. 10. № 1. P. 62–65.

Lampl H. Zinaida Hippus an S.P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 155–194.

Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham: Dept. of Russian Language and Literature, University of Birmingham, 1995. 238 p.

Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // A people passing rude: British responses to Russian culture. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 190–192.

References

Aleksei Mikhailovich Remizov: Bibliografiia (1902–2013) [Alexey Mikhailovich Remizov: Bibliography (1902–2013)], comp. E. Obatnina, E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2016. 834 p. (In Russ.)

Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy [Alexey Remizov: Studies and materials], eds. A.M. Gracheva and A. d'Amelia. St. Petersburg, Salerno, Europa Orientalis Publ., Pushkin House Publ., 2003. 405 p. (In Russ.)

Bakuntsev A.V. Rech' I.A. Bunina "Missiia russkoi emigratsii" v obshchestvennom soznanii epokhi [I.A. Bunin's speech "Mission of Russian Emigration" in the public consciousness of the era]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni A. Solzhenitsyna. 2013* [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2013]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2014, pp. 268–337. (In Russ.)

D.P. Sviatopolk-Mirskii: istorik i istoricheskii publitsist [D.P. Svyatopolk-Mirsky: historian and historical publicist], ed., transl. from English and intro. M.V. Efimov, notes O.A. Korostelev. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2014–2015* [Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Annual. 2014–2015]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., 2015, pp. 331–338. (In Russ.)

Glebov S. *Evraziistvo mezhdru imperiei i modernom: Istoriia v dokumentakh* [Eurasianism between the Empire and Art Nouveau: History in documents]. Moscow, Russkii put' Publ., 2009. 810 p. (In Russ.)

Gracheva A.M. Literaturnye kontakty A. Remizova i E. Liatskogo. Prazhskii period [Literary contacts of A. Remizov and E. Lyatsky. Prague period]. *Russkaia, ukrainskaia i belorusskaia emigratsiia v Chexhoslovakii mezhdru dvumia mirovymi voynami. Rezul'taty i perspektivy provedeniia issledovaniia. Fondy Slavianskoi biblioteki i prazhskikh arkhivov: Mezhdunarodnaia konferentsiia. Praga, 14–15 avgusta 1995 g. Sbornik dokladov* [Russian, Ukrainian and Belarusian emigration in Czechoslovakia between the two world wars. Results and prospects of research. Collections of the Slavic Library and Prague Archives: Int. Conf. Prague, August 14–15, 1995. Proc.]. Prague, Narodni knihovna CR Publ., 1995, pp. 330–337. (In Russ.)

Gur'ianova N. Al'bomy Kruchenykh [Kruchenykh's albums]. *Panorama iskusstv* [Arts panorama], 1991, iss. 13, pp. 373–381. (In Russ.)

Gur'ianova N. Remizov i "budetliane" [Remizov and the "Budetlyane" group]. *Aleksei Remizov. Issledovaniia i materialy* [Alexey Remizov: Studies and materials]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1994, pp. 142–150. (In Russ.)

Iz perepiski Zinaidy Nikolaevny Gippius i Pavla Nikolaevicha Miliukova 1922–1930 godov [From the correspondence of Zinaida Gippius and Pavel Milyukov. 1922–1930], ed. H. Baran and N.V. Koroleva, intro. and notes N.V. Koroleva. *Zinaida Nikolaevna Gippius. Novye materialy. Issledovaniia* [Zinaida Nikolaevna Gippius. New materials. Studies], ed. N.V. Koroleva. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 156–212. (In Russ.)

Keys R. New light on Remizov's first novel, Prud (The Mere): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M. Slonim, F.S. Mansvetov, and The "Plamia" Publishing House. *Slavonica*, 2004, April, vol. 10, no. 1, pp. 62–65. (In English)

Kolerov M.A. Bratstvo Sv. Sofii: "vekhovtsy" i "evraziitsy" (1921–1925) [The Brotherhood of St. Sophia: "Vekhists" and "Eurasians" (1921–1925)]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 10, pp. 143–151. (In Russ.)

Lampl H. Zinaida Hippian an S.P. Remizova-Dovgello. *Wiener Slavistischer Almanach*, 1978, iss. 1, pp. 155–194. (In German)

Neizvestnye pis'ma D.P. Sviatopolka-Mirskogo srediny 1920-kh godov [D.P. Svyatopolk-Mirsky's unknown letters of the mid-1920s], intro., ed. and notes A.B. Rogachevsky.

Diaspora: Novye materialy. II [Diaspora: New materials. II]. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 349–367. (In Russ.)

Obatnina E. “Esli vy vkluchaete Remizova v gruppu futuristov — na eto est' nekotorye osnovaniia”. K istorii otnoshenii pisatel'ia s avangardistami [“If you include Remizov in the group of Futurists — there are some reasons for this.” On the history of the writer's relationship with the avant-garde]. *Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella d'Amelia*, eds. C. Diddi e D. Rizzi, series: Europa Orientalis, vol. 22. Salerno, Vereja Ed., 2014, pp. 181–204. (In Russ.)

Obatnina E. “Ja dusha chelovech'ia...” (Novaia proza Alekseia Remizova: 1918–1929) [“I am the soul of man ...” (Alexei Remizov's new prose: 1918–1929)]. Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. II: Zga* [Collected works. Vol. 11: Zga]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2015, pp. 574–611. (In Russ.)

Obatnina E. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Obatnina E. Zemnaia sud'ba nebozhitelei v zhizni i tvorchestve Alekseia Remizova [Earthly fate of celestials in Alexei Remizov's life and work]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2018, no. 6, pp. 16–25. (In Russ.)

Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov], intro., ed. and notes I.F. Danilova and A.A. Danilevskii. *Russkaia literatura*, 1993, no. 4, pp. 146–158. (In Russ.)

Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov], intro., ed. and notes I.F. Danilova and A.A. Danilevskii. *Russkaia literatura*, 1994, no. 1, pp. 167–172. (In Russ.)

Perkhin V.V. *Russkie literary v pis'makh (1905–1985): issledovaniia i materialy* [Russian writers in letters (1905–1985): Studies and materials]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. 311 p. (In Russ.)

Pis'ma A.M. Remizova k D.A. Lutokhinu (1923–1925) [A.M. Remizov's letters to D.A. Lutokhin (1923–1925)], publ. E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2005–2006]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2009, pp. 944–974. (In Russ.)

Rerikh N.K. *Listy dnevnika: V 3 t.* [Diary sheets: In 3 vols.], comp., notes N.G. Mikhailova. Vol. 2. Moscow, MTsR Publ, Master-Bank Publ., 1996. 687 p. (In Russ.)

Russkii Berlin. 1921–1923: Po materialam arkhiva B.I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute [Russian Berlin. 1921–1923: Based on materials from the B.I. Nikolaevsky collection at the Hoover Institute], eds. L. Fleishman, R. Hughes and O. Raevskaia-Hughes. Paris, YMCA-Press, 1983. 422 p. (In Russ.)

“...s Vami beda — ne perevesti”: Pis'ma D. P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929) [“...you are the awkward one — untranslatable”: D.P. Sviatopolk-Mirski's letters to A.M. Remizov (1922–1929)], publ. R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy. V* [Diaspora: New materials. V]. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

Smith G.S. *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931*. Birmingham, Dept. of Russian Language and Literature, University of Birmingham, 1995. 238 p. (In English)

Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material. *A people passing rude: British responses to Russian culture*. Cambridge, Open Book Publishers, 2012, pp. 190–192. (In English)

Ustinov A. Aleksandr Ginger v nachale 1920-kh godov: ot "Gatarapaka" k gruppe "Cherez" [Alexander Ginger in the early 1920s: from "Gatarapak" to the group "Cherez"]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 40, Spring 2012. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/45/index.shtml> (accessed: 06.10.2019). (In Russ.)

Studies on Alexey Remizov's creative biography: "La vie", or living "miraculously". Paris, 1924–1925

© 2019, Elena Obatnina

Abstract: The article deals with determination of new facts and refinement of already known information on the Parisian period of Alexey Remizov's life. Based on archival materials, the article restores details of the writer's personal biography (including his addresses in Paris), literary connections (according to the visiting and memorial lists compiled by the writer), his reputation in émigré circles (including difficult relations with the Merezhkovskys and Ivan Bunin, support from Nikolay Roerich and Lev Shestov, creative communication with Sergey Sharshun and Sergey Romov). Unpublished archival sources are introduced into scientific circulation: correspondence, diary entries, other ego-documents, as well as materials from the émigré press. Particular attention is drawn to Remizov's special attitude to the scandalous publication of S.R. Mintslov's etude "The Secret" (1925), which also expressed his estrangement from the émigré community, whose mood was largely determined by Zinaida Gippius. The article also deals with the role of Dmitry Svyatopolk-Mirsky in Remizov's Parisian life and creative projects, thanks to which, on author's opinion, the theme of Russian national self-identification was actualized in the Remizovs' life.

Keywords: emigration, Russia abroad, Paris, Alexey Remizov, Serafima Remizova-Dovgello, Zinaida Gippius, Dmitry Merezhkovsky, Nikolay Roerich, Lev Shestov, Sergey Sharshun.

Information about the author: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Citation: Obatnina Elena. Studies on Alexey Remizov's creative biography: "La vie", or living "miraculously". Paris, 1924–1925. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 8–44. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-8-44